МИЯ МОСС

ПЕПЕЛ И БАГРЯНЕЦ

Твоя по праву проклятия

Мия Мосс

Пепел и багрянец. Твоя по праву проклятия

«Автор»
2026

Мосс М.

Пепел и багрянец. Твоя по праву проклятия / М. Мосс — «Автор», 2026

Триста лет назад кровь ведьмы связала два северных рода — ковен Вейрвуд и дом Морвейн — страшным проклятием. С тех пор любая встреча их потомков в пяти шагах оборачивается мучительным Зовом, от которого закипает магия и срывается рассудок.Авелин — наследница Первой Крови Вейрвуд, чьи багровые волосы способны выдать её с головой. Спасая дочь от интриг ковена, мать прячет её под чужой фамилией и медальоном-мороком в закрытой академии Грейтавер. Восемь лет Авелин была незаметной тенью.Но на девятом курсе она попадает в элитный Обсидиановый Круг — в один класс с наследниками Первых Семей. Среди них Кассиан Морвейн: холодный, жестокий аристократ, сын врага её дома. Он не должен был заметить тихоню с последней строчки рейтинга. Но проклятие тянет их друг к другу сквозь ненависть, ложь и грядущую войну, требуя завершить обряд, прерванный три века назад.Закрытая северная академия, тайные обряды, вражда древних родов и притяжение, которое сильнее страха.

© Мосс М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 24

Мия Мосс

Пепел и багрянец. Твоя по праву проклятия

ПЕПЕЛ И БАГРЯНЕЦ. Твоя по праву проклятия

Пролог. Пепел и багрянец

В старых хрониках Канцелярии Чародейства[1] об этой ночи осталась лишь сухая строчка, выведенная выцветшими чернилами, но в родовых поместьях ее помнили по запаху горелой плоти и цветущему среди зимы вереску.

Триста лет назад род Морвейн (носивший тогда древнее имя Крэй) и ковен ведьм Вейрвуд еще делили северные земли, не обнажая клинков. Всё изменилось, когда глава дома Морвейн, одержимый жаждой абсолютной власти над эфирными жилами региона, замыслил привязать к своему родовому алтарю живой источник древнейшей магии. Его выбор пал на Изольду Вейрвуд — младшую сестру Верховной Матери ковена. Морвейны заманили ее в свое поместье под предлогом заключения мирного пакта. Всю ночь в подземельях замка Крэй творился запретный ритуал: Изольде вырезали на спине руны подчинения, пытаясь выкачать первородное пламя ее крови в фамильный камень Морвейнов.

Она умерла на рассвете, но перед последним вздохом сумела прокусить собственный язык и выплюнуть кровь прямо в лицо своему палачу.

Когда сестры Вейрвуд забрали ее обескровленное тело, волосы Изольды — некогда густые, отливающие темным рубином и живыми искрами — стали белыми, как пепел. В ту же ночь тринадцать ведьм Вейрвуд встали в круг на границе владений Крэй. Они не стали начинать войну на истребление — они сплели Зов Рассеченной Крови[2].

«Пусть кровь ваша стынет при виде нашей, пусть плоть ваша помнит сталь и огонь, а если сойдутся две ветви под одним сводом — быть погибели либо разуму, либо сердцу».

С тех пор волосы каждой чистокровной ведьмы Вейрвуд в пору совершеннолетия наливались густым, темно-красным светом, словно в прядях тлели угли древнего костра. А любой представитель рода Морвейн, оказавшись в пяти шагах от крови Вейрвуд, начинал испытывать мучительный эфирный зуд — проклятие будило родовую память, заставляя магию внутри буквально вскипать и требовать чужой крови. Или чужой плоти.

Глава 1. Тишина Вейрвуд-Холла и пепел чужого имени

До того, как в ее жизни появились серые базальтовые скалы Грейтавера и грохот северного моря, мир маленькой Авелин состоял из шепота вереска, запаха сушеной полыни и бесконечных коридоров Вейрвуд-Холла, где даже половицы боялись скрипеть громче дозволенного.

Детство наследницы Первой Крови не было похоже на детство обычных детей. В поместье, отрезанном от остального мира стеной вечных туманов на шотландской границе, не звучал детский смех, сюда не приглашали ровесников на именины и не покупали заводных механических птиц со столичных ярмарок. С пяти лет день Авелин начинался еще до рассвета, когда роса на тисах у стрельчатых окон была черной и ледяной.

Мать, Леора, будила ее легким прикосновением прохладной ладони и уводила вниз, в Малую каменную оранжерею, своды которой уходили в самую толщу холма. Там, среди бледных ночных папоротников и серебристого мха, Авелин учили главному искусству их дома — слышать движение сырого эфира[3] в земле и собственных венах.

---

[1] Канцелярия Чародейства — высший государственный орган магической власти и надзора, регулирующий соблюдение законов магии, деятельность академий и мирные договоры между древними кланами.

[2] Зов Рассеченной Крови — древнее родовое проклятие, наложенное ведьмами Вейрвуд на дом Крэй (Морвейн): при сближении носителей крови обоих родов ближе чем на пять шагов вызывает мучительный эфирный жар и непреодолимое притяжение, а вынужденная разлука после слияния потоков грозит гибелью.

[3] Сырой эфир — первозданная, необработанная магическая энергия, пронизывающая землю, воздух и кровь чародеев;

— Не тяни силу пальцами, душа моя, — тихо наставляла Леора, стоя за спиной семилетней дочери и поправляя ее осанку. Даже тогда Авелин росла высокой, длинноногой девочкой, заметно перегоняя по росту своих редких сверстниц из младших ветвей ковена, но в руках матери казалась совсем тростинкой. — Камни-ключники придумали слабаки из Министерства[4], которые боятся собственного огня. Твоя кровь — сама себе проводник. Дыши глубже. Представь, что твои сосуды — это русло горной реки. Если будешь сопротивляться потоку — он разорвет берега. Если станешь с ним единым целым — он послушно ляжет на твою ладонь.

Авелин закрывала глаза, вытягивала вперед тонкие детские руки без единого кольца и слушала. Под ее босыми ступнями глубоко под землей гудели древние эфирные жилы Севера. Стоило ей повести кистью в плавном, округлом пассе, как сухие семена вереска на каменном столе перед ней трескались и за считанные секунды выбрасывали вверх упругие зеленые побеги с каплями росы на бутонах.

Она еще не понимала, почему во время этих уроков двери оранжереи всегда запирались на тройной рунный засов. Не понимала, почему после каждого удачного плетения мать быстро стирала следы ее эфира в воздухе взмахом собственного перстня с черным гранатом.

В те годы Авелин казалось, что так живут все. Днем она часами просиживала в старой библиотеке поместья, уча старокельтское наречие, латынь и ботанику по пожелтевшим травникам; вечером разбирала с матерью коренья мандрагоры[5] и лунного паслена для домашних отваров, а перед сном тайком пробиралась на верхнюю площадку западной башни. Оттуда, сквозь прорехи в тумане, были видны далекие синие предгорья. Девочка часами смотрела на горизонт, мечтая хотя бы раз увидеть настоящий город, шумные улицы и других детей, которые не отводят глаз при встрече.

Ведь в самом Вейрвуд-Холле родственницы из младших ветвей ковена смотрели на нее так, словно она была прокаженной.

Смерть прежней Верховной Матери развязала руки амбициям. Когда Авелин исполнилось восемь, в поместье зачастила двоюродная бабка Моргана со своими племянницами. Во время общих трапез в Нижнем зале Авелин заставляли сидеть по правую руку от матери с идеально прямой спиной и не притрагиваться ни к одному блюду, пока Леора лично не проверит кубок и тарелку дочери серебряной иглой на сонные и парализующие яды.

Конец ее затворничеству пришел в одну душную августовскую ночь, за месяц до начала занятий в Аморфисе[6].

Авелин проснулась от того, что в саду под ее окнами глухо, словно от удара молнии в сырую землю, ухнул защитный барьер, а на потолке спальни заметались багровые отсветы боевой волшбы[7]. Не успела она спустить ноги с кровати, как в комнату вихрем ворвалась Леора. Лицо матери было белым как полотно, левый рукав ее ночного халата дымился от скользящего ожога теневого серпа, а в глазах стоял такой первобытный материнский ужас, какого Авелин не видела никогда.

— Одевайся. Живо! — голос Леоры не оставлял места для вопросов. Она сама накинула на плечи дрожащей девочки дорожный плащ из плотной серой шерсти и сунула в саквояж три смены белья и связку бумаг, перетянутую выцветшей синей лентой. — Наемники младшего

требует точного контроля, чтобы не выжечь каналы мага.

[4] Министерство (Министерство Чародейства и Имперского Казначейства) — центральный исполнительный аппарат империи, ведающий государственными финансами, рудниковыми пошлинами, земельными кадастрами и контролем над магическими гильдиями.

[5] Мандрагора — редкое магическое растение, корень которого используется в высшем зельеварении для создания сильных целебных, защитных и стабилизирующих эликсиров.

[6] Аморфис — закрытая женская академия чародейства в туманных холмах Уэльса, где традиционно обучаются девушки из ковена Вейрвуд и союзных ему матриархальных родов.

[7] Волшба — традиционное название чародейства и магических плетений, творимых с помощью пассов рук, эфирных векторов и голосовых формул.

круга прошли через восточную калитку. Кто-то из своих снял внутренние сигнальные руны. В Аморфис ты не поедешь — там тебя убьют на первой же неделе.

— Мама, куда мы? — прошептала Авелин, когда Леора за руку вывела ее через потайной ход в каминной стене прямиком к задним конюшням, где в сыром предрассветном тумане уже бил копытом запряженный в закрытую карету четверик вороных.

Леора опустилась перед ней на колени прямо на мокрую брусчатку двора и положила ладони на ее худенькие плечи.

— Ты едешь на север, Авелин. В государственную академию Грейтавер[8].

Авелин вздрогнула. Даже в девять лет она знала это название — имя мрачной твердыни на скалах, где веками ковали кадры для Канцелярии и где заправляли их кровные враги.

— Но ведь там... чужие, — испуганно выдохнула девочка. — Ты сама говорила, что наша магия выдаст нас с первого же росчерка!

— Твоя родовая кровь еще спит вполсилы, волосы пока не переменили цвет, — быстро заговорила Леора, доставая из саквояжа те самые бумаги с синей лентой и вкладывая их в руки дочери. — С сегодняшнего дня ты забываешь слово «Вейрвуд». Ты забываешь старокельтские формулы и умение творить волшбу голыми руками. В Грейтавере тебе выдадут перстень-ключник[9], и ты будешь пользоваться им, как все обычные дети. А в списках школы ты будешь значиться по документам твоего отца — как Авелин Розье.

Глава 2. Тень дома Розье и тайна старого кабинета

Об отце в Вейрвуд-Холле было принято либо молчать, либо цедить сквозь зубы короткое слово «чужак».

Все девять лет жизни Авелин знала о нем лишь сухие обрывки, которые удавалось подслушать из редких разговоров матери со старой нянькой или вычитать на полях выцветших книг в запертом флигеле поместья. Его звали Этьен Розье. Он был выходцем из старинного, но обедневшего и почти угасшего французского рода чародеев с берегов Луары, которые никогда не знали ни северных распрей, ни кровавых алтарей.

Этьен не был боевым магом. Он был ученым-архивариусом, исследователем древних эфирных разломов и мастером тонкой рунологии. За десять лет до рождения Авелин он прибыл на север по научной лицензии Континентальной Гильдии, чтобы составить карту старых кельтских мегалитов на границе Шотландии.

Тогда, во время внезапного осеннего бурана на вересковых пустошах, он сбился с тропы, сорвался со скального карниза в торфяной овраг и сломал ногу в трех местах. Его, полузамерзшего и истекающего кровью, нашла на обходе двадцатилетняя Леора Вейрвуд.

Вопреки строжайшему уставу ковена, требовавшему либо стереть память чужаку и выбросить его за межу, либо оставить умирать в тумане, Леора спрятала француза в старом охотничьем домике на окраине владений. Три недели она втайне от старейшин выхаживала его травами и родовой биомантией[10]. А когда Этьен встал на ноги, оказалось, что уйти он уже не может — как и она не могла его отпустить.

В этом высоком, мягком в обращении человеке с теплыми карими глазами, вечно пахнущем старым пергаментом, лавандовым табаком и чернилами, не было ни капли той холодной, ядовитой жестокости, которой дышали северные кланы. От него Авелин унаследовала

---

[8] Грейтавер — суровая государственная академия чародейства на базальтовых скалах у Северного моря; состоит из одиннадцати курсов и после экзамена «Великое Сечение» делится на Медный, Серебряный, Золотой и элитный Обсидиановый Круги.

[9] Перстень-ключник — специальное кольцо из зачарованного сплава с камнем-проводником на ведущей руке мага, необходимое для фокусировки эфирного потока и защиты сосудов от выгорания.

[10] Родовая биомантия — древняя отрасль целительской и природной магии ведьм Вейрвуд, основанная на управлении жизненными соками, травами и восстановлении плоти без использования искусственных артефактов.

свой высокий, статный рост — уже к шестнадцати годам она вытянулась почти до ста семидесяти сантиметров, — любовь к тишине книгохранилищ, легкую близорукость, заставившую ее надеть очки в тонкой оправе, и удивительную способность к кропотливой науке Шпиля Камня.

Когда Совет Матерей узнал, что наследница старшей ветви ждет ребенка от чужеземца, разразился грандиозный скандал. Бабка Моргана требовала изгнания Леоры, но верховные ведьмы рассудили практичнее: по законам крови ковена ребенок всё равно унаследует ядро матери, а от слабого южного эфира Розье не останется и следа. Леоре позволили тайно обвенчаться с Этьеном во флигеле поместья с одним условием: француз никогда не переступит порог подземного святилища ковена и будет жить в Вейрвуд-Холле на правах безмолвного пленника, связанного клятвой неразглашения.

Этьен согласился на это добровольное заточение ради жены и родившейся дочери. Авелин смутно, словно сквозь золотистую дымку сна, помнила его руки: длинные, теплые пальцы без всяких боевых шрамов, которые подхватывали ее, трехлетнюю, под мышки и поднимали к самому потолку его маленького кабинета во флигеле, пока он со смехом рассказывал ей сказки на певучем французском языке.

Всё оборвалось, когда Авелин едва исполнилось четыре года.

Официальная версия, которую старейшины ковена сухо озвучили на совете и которую годы спустя повторяли в слухах, гласила: «Слабый южный чародей не выдержал сурового климата пустошей и скончался от скоротечной легочной лихорадки в зиму».

Но в то утро перед отъездом в Грейтавер, когда карета уже ждала у ворот, девятилетняя Авелин впервые увидела, как ее сдержанная, железная мать плачет, прижимая к губам серебряные карманные часы отца с треснувшим стеклом. И позже, уже подростком приезжая на каникулы и разбирая тайник под двойным дном отцовского бюро во флигеле, Авелин восстановила страшную правду по обрывкам писем.

Этьен Розье не умер от болезни. Его убили на Северной меже.

Той зимой, сразу после того, как у четырехлетней Авелин впервые проявился небывалый дар Первой Крови, внутри ковена началась тайная грызня, а снаружи активизировались ищейки лорда Аластера Морвейна, прознавшего через подкупленных информаторов, что у ведьм Вейрвуд родилась прямая наследница древней силы.

Этьен первым понял, что кольцо вокруг его жены и маленькой дочери сжимается с обеих сторон. Не имея боевой мощи, французский архивариус решил спасти семью единственным доступным ему способом: он тайно подготовил документы на родовое поместье своей покойной матери в Провансе и в декабрьскую ночь выехал верхом к пограничному почтовому тракту в предгорьях, чтобы отправить в столицу Франции запрос на дипломатическую неприкосновенность и выездные грамоты для Леоры и Авелин.

Кто именно выдал его маршрут — кто-то из людей бабки Морганы, не желавшей, чтобы ценная кровь ребенка ускользнула на континент, или пограничные соглядатаи дома Морвейн, — осталось тайной, погребенной под декабрьским снегом.

Его нашли через два дня в полумиле от Черного Вереска[11]. Конь стоял рядом с остывшим телом хозяина. Грудь Этьена Розье была пробита тяжелым кинетическим копьем стального эфира — фирменным, беспощадным почерком пограничных разъездов северной гвардии, которые подчинялись непосредственно замку Крэй.

Леора тогда едва не сошла с ума от горя. Она сама обмыла тело мужа, похоронила его под старым тисом у западной стены сада и сохранила ту самую вторую, черновую копию французских документов дома Розье, спрятанную в его бюро. Именно эти бумаги, оплаченные жизнью ее отца, пять лет спустя позволили девятилетней Авелин переступить порог Грейтавера

[11] Черный Вереск — спорная пограничная пустошь и старый рубеж между землями северных лордов дома Крэй (Морвейн) и владениями ковена Вейрвуд.

под чужим именем — и именно поэтому при каждом упоминании фамилии Морвейн в груди девушки закипал не только древний страх ковена, но и тихая, неоплаканная боль за отца, которого у нее отняли.

Глава 3. Корни вереска и холодное серебро

Если бы кто-нибудь спросил Авелин Розье, чем пахнет настоящее колдовство, она бы не назвала ни серу, ни сушеную мандрагору, ни сладковатый дым алтарного ладана. Для нее магия пахла раскаленным серебром и горьким северным вереском после грозы.

Именно этот запах стоял в воздухе в то утро, когда ей исполнилось тринадцать лет.

Авелин сидела перед высоким трельяжем в своей спальне на третьем этаже родового поместья Вейрвуд-Холл, затерянного в туманных вересковых пустошах на границе с Шотландией. За узким стрельчатым окном шумели вековые тисы, их ветви скреблись о витражное стекло, словно просились внутрь. Авелин держала в руке костяной гребень и завороженно, с холодным ужасом в груди смотрела на свое отражение.

Еще вчера вечером ее волосы были обычного темно-русого оттенка — мягкие, чуть вьющиеся на концах, ничем не примечательные. Но за одну ночь родовая кровь взяла свое. От самых корней и до лопаток пряди налились густым, тяжелым темно-красным цветом. Это не была обычная рыжина, какая встречается у простых людей. Цвет напоминал старое гранатовое вино или тлеющие в камине угли: когда Авелин поворачивала голову к тусклому свету свечи, в глубине локонов пробегала едва заметная багровая искра, словно по каждой волосинке струился жидкий огонь.

Пробуждение крови. Знак того, что она — истинная дочь ковена Вейрвуд.

В любой другой семье древнего рода это утро стало бы поводом для пира. Но когда в спальню без стука вошла ее мать, Леора, на ее бледном, осунувшемся лице не было и тени радости.

Авелин до сих пор помнила, как ледяные пальцы матери сжали ее плечи. У самой Леоры волосы были точно такими же — темно-багровыми, уложенными в строгий тяжелый узел на затылке, — но в то утро ее глаза лихорадочно блестели.

— Значит, началось раньше срока, — глухо произнесла тогда Леора, опускаясь на колени перед стулом дочери. — Нам повезло, что это началось во время летних каникул. До отъезда в Грейтавер осталось четыре дня. Слушай меня внимательно, Авелин. И запомни каждое слово, будто от этого зависит, увидишь ли ты следующий рассвет. Потому что так оно и есть.

В то утро тринадцатилетняя Авелин впервые узнала правду. Ковен Вейрвуд, со стороны казавшийся монолитным сестринством, изнутри гнил от борьбы за власть. Пять лет назад прежняя Верховная Мать скончалась, не оставив прямой наследницы. По закону Древнего Корня право на обсидиановый трон ковена должно было перейти к той ветви рода, чья магия окажется наиболее чистой и первородной. И когда у маленькой Авелин еще в младенчестве проверили эфирный отклик, старейшины ужаснулись: в девочке проснулся дар Первой Крови, которого в роду не видели два столетия. Для амбициозных тетушек из младших ветвей Вейрвуд она мгновенно превратилась в смертельную помеху. Две подосланные ночные тени в саду, капля сонного яда в молоке, вовремя замеченная матерью, — и Леора поняла, что в стенах родного ковена или в школе Аморфис ее дочь не доживет до совершеннолетия.

Леора сделала ход, которого от гордой ведьмы Вейрвуд не ожидал никто. Она подняла старые архивы своего покойного мужа — французского чародея из обедневшего и почти угасшего рода Розье, — оформила дочери документы под его фамилией и отправила ее учиться в Грейтавер.

Это было безумием. Грейтавер считался оплотом традиционной аристократии и местом, где веками учились их злейшие, кровные враги — род Морвейн, некогда носивший имя Крэй. Официального запрета для ведьм Вейрвуд на поступление в Грейтавер не существовало —

уставы Канцелярии Чародейства формально провозглашали равенство всех древних домов. Но негласный закон вражды работал лучше любых указов: ни одна ведьма из Вейрвуд в здравом уме не сунулась бы в замок, построенный на деньгах Морвейнов и их союзников. Единственным спасением Авелин было то, что в последнее десятилетие правящая элита — и сами Морвейны в том числе — брезговала общими школами, предпочитая обучать своих наследников в закрытых поместьях у выписанных из столицы светил науки.

— Они ищут наследницу Вейрвуд в лесах Уэльса и в приютах на континенте, — шептала тогда Леора, доставая из бархатного мешочка старинный медальон черненого серебра на тонкой, но невероятно прочной цепочке. — Никому в ковене даже в голову не придет, что я спрятала тебя в пасти льва, среди серых стен Грейтавера. Но теперь твоя кровь заговорила. И если хоть одна живая душа в замке увидит истинный цвет твоих волос — за тобой придут с обеих сторон. Свои — чтобы устранить соперницу. Чужие — чтобы свести счеты за проклятие трехсотлетней давности.

Леора застегнула цепочку на шее дочери.

Кулон был холодным и тяжелым, в форме вытянутой капли, оплетенной тончайшим рельефом из терновых ветвей. Но стоило Леоре прижать к металлу свой большой палец, и прошептать древнюю, гортанную формулу сокрытия, как по груди Авелин разлилось густое, сонное тепло.

Она снова посмотрела в зеркало и вздрогнула. Живой багрянец на ее голове померк, словно свечу накрыли стеклянным колпаком. Пряди секунду поколебались и стали обычными, тусклыми, темно-каштановыми. Даже черты ее лица под воздействием мягкого морока словно сгладились, потеряли хищную, притягательную резкость древней породы, сделав ее просто симпатичной, но совершенно незапоминающейся девочкой в очках с тонкой оправой.

— Медальон питается крупицами твоего собственного эфира, — строго наказала мать. — Не снимай его ни в душевых, ни во сне, ни в лазарете. Для всех учителей и учеников его узор будет казаться дешевой безделушкой с цветочной гравировкой. Будь прилежной, но не блестящей. Не заводи врагов, но и не подпускай друзей слишком близко к сердцу. Твоя жизнь — это тишина, Авелин.

И Авелин научилась быть тишиной.

Годы в Грейтавере текли под мерный грохот северного моря, разбивавшегося о базальтовые утесы далеко внизу под фундаментом замка. В отличие от светлых южных академий, Грейтавер был вырублен из темно-серого камня и казался продолжением самой скалы. Здесь не жаловали изнеженность. С первого курса девятилетних детей учили главному закону здешней магии: эфир не терпит суеты.

В мире чародеев никто не махал деревянными палочками — дерево считалось мертвым, слишком хрупким материалом, который сгорал в пепел при первой же серьезной нагрузке. Настоящая волшба творилась руками. Воздух вокруг был пронизан невидимыми эфирными токами, и чтобы сплести заклинание, чародей должен был пальцами ведущей руки рассечь пространство по строго выверенным геометрическим векторам, замыкая контур голосовой формулой.

Однако пропускать сырой эфир через обнаженное тело было смертельно опасно: без точки фокусировки отдача выжигала сосуды на запястьях, оставляя уродливые черные шрамы. Поэтому на первом же курсе в кузницах замка каждому ученику подбирали перстень-ключник — кольцо из сплава серебра, платины или метеоритного железа с вправленным камнем-резонатором, настроенным на частоту пульса владельца. Для кропотливой кабинетной работы — выведения микроскопических рун на свитках или артефактах — использовали стилосы: длинные тонкие спицы из зачарованной бронзы с алмазным или сапфировым наконечником.

В девять лет, на Церемонии Отклика[12] в Главном Атриуме[13], Авелин опустила ладонь в чашу с переливающимся эфиром. Жидкость не вспыхнула алым пламенем (знак боевого Шпиля Пламени), не зазеленела запахом трав (Шпиль Корней) и не пошла легкой рябью (Шпиль Ветров). Эфир под ее пальцами загустел, став тяжелым и неподвижным, как гранит. Так она попала в Шпиль Камня — факультет рунологов, хранителей барьеров и мастеров защитных плетений.

Это было идеальное укрытие. Адепты Камня жили в западном крыле замка, где стены были толщиной в метр, а в общих гостиных вместо шумных вечеринок стоял тихий шорох переворачиваемых страниц и потрескивание торфяных каминов.

Здесь Авелин встретила Лидию Вейл и Маркуса Оукли. Лидия, круглолицая блондинка из семьи мелкого архивариуса Канцелярии, обладала феноменальной памятью на сплетни и катастрофической неуклюжестью в Эфирной геометрии — ее пространственные углы вечно заваливались набок, отчего вместо простого бытового огонька для розжига свечи получался едкий сизый дым. Маркус, высокий, вечно сутулящийся парень из Шпиля Корней с неизменными пятнами сока белладонны на манжетах, был гением Зельеварения, но терял дар речи, стоило преподавателю вызвать его к доске.

Авелин бережно хранила эту маленькую дружбу. Она помогала Лидии ставить правильный угол кисти перед зачетами, в обмен на это Маркус делился с ней редкими сушеными кореньями, а когда разговор в спальне заходил о семьях и каникулах, Авелин привычно улыбалась и повторяла заученную легенду: «Мама очень слаба здоровьем, мы живем в глухом поместье на побережье, врачи запрещают ей любой шум и гостей».

Лидия сочувственно вздыхала и никогда не напрашивалась в гости. И слава всем древним богам. Потому что то, что происходило в Вейрвуд-Холле, когда Авелин снимала у порога защитный медальон, свело бы обычную девушку из семьи чиновника с ума.

Этим летом, за два месяца до начала девятого курса, Авелин исполнилось семнадцать. Она сидела у открытого окна кареты, которая везла ее от предгорий к главным воротам Грейтавера в последний день августа, и, глядя на проплывающие мимо вересковые холмы, снова и снова прокручивала в голове прошлогодний июльский вечер.

Тогда в Вейрвуд-Холл съехались семеро старейшин ковена во главе с ее двоюродной бабкой Морганой — сухой, похожей на ворона женщиной с серебряными нитями в темно-красных волосах. Вместе с ними прибыл Гедеон Торн. Наследник мрачного северного клана Торн был вдвое старше Авелин; от его тяжелой, подбитой черным мехом мантии несло затхлым склепом и старым железом, а когда он смотрел на шестнадцатилетнюю девушку своими маслянистыми карими глазами, у Авелин возникало чувство, будто по ее коже ползет холодная сороконожка.

— Род Торн даст ковену доступ к серебряным рудникам и три голоса в земельном совете, Леора, — каркающий голос бабки Морганы до сих пор звенел у Авелин в ушах. — Кровь твоей девчонки простаивает в пустоте! Ты прячешь ее в какой-то средней школе для высокомерных столичных тупиц, пока мы ведем переговоры о выживании сестринства! Гедеон готов заключить предварительный заговор крови сегодня же в полночь.

Авелин помнила, как стояла в углу малой гостиной, вцепившись пальцами в ткань своего платья, не смея поднять глаз, пока ее мать — совершенно одна в кольце родственниц — медленно сняла со своей руки защитный браслет.

— Если Гедеон Торн подойдет к моей дочери ближе, чем на расстояние вытянутой руки, — тихо, почти ласково произнесла тогда Леора, и ее багровые волосы внезапно зашевелились

---

[12] Церемония Отклика — торжественное испытание для девятилетних первокурсников Грейтавера, в ходе которого чаша с переливающимся эфиром определяет природную склонность ученика к одному из четырех Шпилей: Пламени, Корней, Ветров или Камня.

[13] Главный Атриум — центральный сводчатый зал академии Грейтавер из черного базальта, служащий местом проведения общешкольных церемоний, экзаменов и турниров.

без всякого ветра, наливаясь слепящим алым свечением, — я выжгу его родовую печать вместе с его правой рукой до самого плеча. По древнему праву Первой Крови дочь остается под крылом матери до получения аттестата зрелости. Убирайтесь из моего дома, Моргана. Все.

Сваты уехали ни с чем, оставив после себя оплавленный паркет в прихожей и зловещее обещание вернуться через три года, когда школа закончится. А перед самым отъездом Авелин в Грейтавер мать крепко обняла ее на прощание и прошептала в самое ухо:

— Потерпи еще немного, родная. Осталось три курса. Ты сдала Великое Сечение в июне — я знаю, как ты старалась не выделяться. Попадешь в Серебряный или Золотой Круг, тихо получишь диплом мастера рун, и мы уедем на континент, куда не дотянется ни Моргана, ни Канцелярия. Только умоляю тебя: будь незаметной.

Колеса экипажа глухо застучали по каменному мосту, перекинутому через бездонную расщелину, и Авелин невольно коснулась пальцами ложбинки между ключицами. Медальон привычно холодило кожу под глухим воротником темно-серой дорожной блузки.

Впереди, сквозь рваные клочья северного тумана, вырастали четыре гигантские остроконечные башни замка Грейтавер. Начинался девятый курс. И Авелин еще не знала, что ее тихая, тщательно выстроенная жизнь рухнет ровно через несколько часов.

Глава 4. Рассвет за бархатной шторой и жажда под серым камнем

Соблюдать завет матери и оставаться невидимой тенью в замке, где живут три сотни подростков и три десятка зорких магистров, с каждым годом становилось всё труднее.

До тринадцати лет, пока ее родовая магия дремала, Авелин жила в спальне Шпиля Камня почти беззаботно. После того рокового утра дома, когда ее пряди впервые налились густым гранатовым огнем и Леора надела на нее серебряный медальон, правила выживания ужесточились многократно. Мало кто знал, что даже такой могущественный артефакт, как «Печать Тумана Дочерей Вереска», имел свой предел прочности.

Медальон питался ее собственным эфиром, но по мере того, как Авелин взрослела и ее ядро Первой Крови набирало мощь, раз в месяц — на пике полнолуния — внутренний фильтр кулона перегревался от избытка ее дикой силы. Чтобы на утро после полной луны морок не дал сбой прямо посреди завтрака в Большом зале, Леора научила дочь варить «Росу Бледного Корня» — сложнейший стабилизирующий состав из толченого лунного камня, сока белой омелы и трех капель собственной крови.

Для активации зелья требовалось ровно на три минуты снять медальон с шеи, выпить ледяную горькую жидкость, позволить родовому огню свободно пройти по распущенным волосам, сбрасывая избыточное давление эфира, и снова защелкнуть замок цепочки.

Обычно Авелин проделывала это глубокой ночью, около трех часов, заперевшись в дальней каменной кабинке умывальной или под плотным пологом своей кровати в самом углу спальни.

Но на шестом курсе, когда Авелин было четырнадцать лет, случилась осечка, которая едва не стоила ей жизни.

В ту ноябрьскую ночь накануне полнолуния они с Маркусом и Лидией до двух часов ночи готовились к пересдаче по истории рун. Измотанная до предела Авелин рухнула в постель и провалилась в такой тяжелый сон без сновидений, что пропустила ночной час приема зелья.

Она проснулась от резкого, колючего жара на груди.

За узким стрельчатым окном спальни четверых девочек Шпиля Камня уже серел хмурый северный рассвет. Было без четверти шесть утра — до общего подъема оставалось пятнадцать минут. На соседних кроватях еще спали Лидия и две другие соседки по комнате — тихая Беатрис и вечно сующая нос в чужие дела староста спальни Ханна Вэнс.

Авелин опустила взгляд под одеяло и обомлела: серебряный медальон на ее груди мелко подрагивал, а по самым кончикам ее темно-каштановых косичек уже побежали предательские,

тускло мерцающие багровые искорки! Еще полчаса без зелья — и на первой же паре морок лопнет у всех на глазах!

Дрожащими пальцами Авелин достала из потайного кармана сумки под кроватью крошечный хрустальный фиал с «Росой Бледного Корня». Идти в общую умывальную было поздно — там уже могли бродить дежурные старшекурсницы. Единственным укрытием оставалась глубокая каменная ниша высокого стрельчатого окна в конце спальни, отгороженная от остальной комнаты тяжелой, от потолка до пола, портьерой из плотного темно-серого бархата, которая защищала спальню от морских сквозняков.

Ступая босыми ногами по ледяному каменному полу совершенно бесшумно, Авелин скользнула за тяжелую штору на широкий подоконник.

Времени не было даже на раздумья. Она расстегнула застежку медальона, зажала его в левом кулаке, зубами выдернула притертую пробку из фиала и одним глотком осушила обжигающе-горькое зелье.

В ту же секунду освобожденная магия Вейрвуд радостно, мощно хлынула по ее венам. В тесном пространстве за бархатной шторой, прямо на фоне сизого рассветного стекла, волосы четырнадцатилетней Авелин вспыхнули во всей своей первозданной, пугающей красоте — густые, ниже лопаток пряди налились цветом темного рубина и живого углистого пламени, озарив каменные откосы окна мягким багровым светом. До завершения стабилизации эликсира и повторного надевания кулона нужно было выждать еще минуту, иначе состав бы просто выжег ей горло.

И именно в это мгновение в тишине спальни скрипнула пружина матраса на ближайшей к окну кровати.

— Который час?.. Духота какая, надо отдушник открыть... — сонно пробормотала Ханна Вэнс, и по полу зашуршали ее войлочные туфли, направляясь прямиком к бархатной портьере окна!

У Авелин внутри всё рухнуло в ледяную бездну. Надеть медальон сейчас она не могла — зелье еще кипело в пищеводе, блокируя привязку артефакта на тридцать секунд! Бежать из ниши было некуда!

Когда пальцы Ханны уже легли на край зеленого бархата снаружи, чтобы отдернуть штору, Авелин действовала на чистом инстинкте выживания. Одним резким движением она вжалась спиной в узкий темный простенок между каменной колонной оконного переплета и второй, декоративной складкой боковой драпировки, одновременно выплеснув остаток зелья из фиала себе на грудь и шепнув одними губами формулу «Глухой Воды» — алхимического купола абсолютной тишины и преломления теней.

Штора с шорохом отъехала в сторону на полметра.

Ханна Вэнс, зевая и потирая глаза, встала буквально в полушаге от складки бархата, за которой, затаив дыхание и зажав ладонью рот, стояла Авелин. Сквозь тонкую щель в ткани Авелин видела плечо соседки и то, как в мутном рассветном стекле окна на долю секунды отразился странный, кроваво-алый блик от ее собственных волос, прежде чем преломляющая дымка зелья тишины размыла отражение в серую тень.

— Странно... показалось, что ли, будто свеча за шторой горит... — нахмурилась Ханна, вглядываясь в полутемный угол оконной ниши. Она протянула руку, чтобы поправить боковую драпировку, за которой билось сердце Авелин...

— Ханна, закрой окно, ради всех богов, с моря тянет ледником! — сонно простонала со своей кровати Лидия, натягивая одеяло по самый нос. — Еще десяти минут до звонка нет!

Ханна недовольно фыркнула, щелкнула верхней фрамугой, не тронув боковую складку бархата, задернула основную портьеру обратно и поплелась к своей постели.

Только когда дыхание соседки снова стало ровным, Авелин судорожно защелкнула остывший медальон на шее. Багровое пламя ее волос мгновенно погасло, вернувшись к при-

вычному мышино-каштановому оттенку. Девушка медленно сползла по холодному камню на подоконник, чувствуя, как от пережитого ужаса дрожат колени. Это был первый звонок того, насколько тонок лед под ее ногами.

Но тот шестой курс запомнился Авелин не только этим рассветным кошмаром. Всего через две недели после случая со шторой она, Лидия и Маркус оказались в самом эпицентре самой мрачной и тщательно засекреченной истории Грейтавера.

Это началось в конце ноября, когда стояли густые, промозглые туманы. В том семестре у средних курсов сменился преподаватель Истории Эфирных Плетений — на место ушедшего на покой старика из столицы прибыл профессор Себастьян Варенн. Это был высокий, невероятно бледный, подтянутый мужчина лет тридцати пяти в безупречном черном сюртуке, который вел лекции исключительно при плотно задернутых шторах, ссылаясь на «редкую световую мигрень глаз после травмы в архивах», и носил на руках тонкие перчатки из серой замши.

Студентки были от нового учителя без ума за его изысканные манеры и бархатный голос, но примерно через месяц после его приезда в школе начала твориться странная чертовщина: сразу семеро учеников с четвертого и пятого курсов один за другим попали в лазарет с диагнозом «острое эфирное малокровие». Подростки жаловались на ужасную слабость, потерю памяти о вечерних часах, головокружение и бледность, которую школьный целитель списывал на осенний авитаминоз и перегрузки перед зачетами.

Разгадка нашлась в субботу под вечер, когда Авелин, Лидия и Маркус отправились к Старым Скальным Террасам у северного подножия замка — Маркусу для гербария Шпиля Корней срочно требовался пещерный мох, который рос только в расщелинах у древних опорных пилонов внешнего магического барьера школы.

Спустившись по скользким каменным ступеням к глухому бастиону, куда почти никогда не заглядывали дежурные, троица свернула за выступ скалы к старому рунному монолиту — одному из двенадцати краеугольных камней, державших неприступный защитный купол Грейтавера.

И там Авелин резко остановилась, схватив друзей за рукава мантий.

Воздух у подножия скалы не просто холодило — от него несло тяжелым, сладковато-металлическим запахом старой запекшейся крови и ледяным тленом Нижнего Мрака. Перстни-ключники на руках Лидии и Маркуса даже не мигнули (школьные камни были настроены только на стандартный спектр эфира), но первородное чутье ведьмы Вейрвуд в крови Авелин взвыло от отвращения.

— Сюда кто-то ходит по ночам, — тихо прошептала Авелин, подходя к древнему базальтовому монолиту барьера и присаживаясь на корточки у самой земли. — Смотрите на основание рунной цепи!

Лидия и Маркус наклонились. Там, где глубоко высеченные в скале золотистые руны защиты уходили в грунт, камень был аккуратно, с ювелирной точностью надпилен изнутри замкового периметра тончайшим алмазным стилосом, а в образовавшуюся трещину была втерта черная, маслянистая паста из мертвой костной золы и свернувшейся крови!

— Это же... это же некротическая заглушка! — Маркус побледнел так, что его веснушки стали серыми. — Запрещенная темная магия первого ранга! Кто-то изнутри школы намеренно повредил плетение пограничного камня, чтобы защитный купол Грейтавера не реагировал на присутствие высшей нежити!

Авелин провела пальцем в сантиметре от черного пятна на камне. Ее опыт травницы и ведьмы подсказывал еще более страшную деталь:

— Это не просто нежить, Маркус. Паста смешана со слюной ночного кровопийцы. Кажется, в замке вампир. Он каким-то образом смог пересечь барьер, сам подпилил барьер изнутри, чтобы охранные горгульи замка не чуяли его жажду, и теперь использует школу как закрытое охотничье угодье со свежей молодой кровью!

— Надо бежать к декану Вейну! Сейчас же! — в ужасе пискнула Лидия, оглядываясь на сгущающиеся сумерки.

Но едва они развернулись, чтобы броситься обратно к лестнице бастиона, как сверху, на каменной площадке перехода, бесшумно выросла высокая, затянутая в черный плащ фигура профессора Себастьяна Варенна.

В густых сумерках он был без своих привычных темных очков. Его глаза — лишенные белков, залитые густой угольной чернотой с алым ободком вокруг зрачка — смотрели на трех замерших подростков с холодным, голодным сожалением, а из-под приоткрытой верхней губы виднелись удлиненные, острые как иглы клыки.

— Какая досада, — мягко, почти печально произнес Варенн, медленно спускаясь по ступеням и стягивая с правой руки серую замшевую перчатку, под которой вместо живой человеческой кожи показались мертвенно-серые пальцы с когтями, испачканными в остатках той самой костной пасты. — Я как раз спустился обновить маскировку на камне перед новолунием. Кровь юных чародеев здесь так богата чистым эфиром, пара глотков под гипнозом — и никто ничего не помнит наутро. Мне искренне жаль, дети, но свидетелей я оставить не могу. Спишем это на то, что вы оступились со скалы в штормовое море.

Он двинулся с нечеловеческой, размытой для обычного глаза скоростью — черной молнией метнувшись прямо к оцепеневшему Маркусу.

Лидия закричала, тщетно пытаясь сложить пальцами дрожащий учебный глиф, но Авелин среагировала на долю секунды раньше. Схватив с пояса Маркуса его кожаный мешочек с алхимическими реактивами для гербария, она одним движением выхватила оттуда флакон с концентрированной вытяжкой солнечного чистотела и серебряной пыли (которой травили пещерных паразитов) и, вложив в бросок короткий, скрытый под рукавом импульс своей родовой силы, с размаху разбила склянку прямо о брусчатку у самых сапог несущегося вампира, одновременно замкнув стилосом трещину на самом рунном камне барьера позади себя!

Раздался оглушительный грохот. Вспышка жидкого серебра обожгла лицо Варенна, заставив тварь с диким, нечеловеческим шипением отшатнуться назад и закрыть глаза рукавом плаща, а восстановленный на секунду контур древнего монолита Грейтавера мгновенно распознал внутри периметра чужеродную нежить!

Высоко на башнях замка с ревом ожили каменные сигнальные горгульи; небо над террасой прорезали багровые лучи боевой тревоги.

Варенн, ослепленный серебряной пылью и ревом проснувшегося барьера, оскалился на троих детей и попытался взмыть вверх по отвесной стене бастиона, превращаясь в сгусток черного дыма. Но уйти ему не дали.

С верхнего яруса галереи, выбив створки витражного окна, на площадку уже летели старший декан магистр Вейн, двое преподавателей боевого Шпиля Пламени и случайно находившиеся в тот вечер в ректорате с проверкой трое старших дознавателей Канцелярии Чародейства в кольчужных плащах.

Бой длился меньше двух минут. Декан Вейн единым росчерком своего платинового перстня-ключника сковал черную тень вампира сетью из чистой солнечной геометрии, пригвоздив Варенна к каменным плитам двора, а оперативники Канцелярии мгновенно сомкнули на его шее и запястьях тяжелые ошейники из освященного серебра и ясеня.

Когда скрученного, бьющегося в безмолвной ярости лже-профессора поволокли в закрытый тюремный фургон Трибунала, в кабинете декана началось экстренное расследование. Выяснилось, что настоящий историк Себастьян Варенн пропал без вести еще в августе по дороге из континентального архива, а древний кровопийца из ковена карпатских стригоев перехватил его карету, присвоил документы и, с помощью купленного на черном рынке амулета имитации пульса, устроился в закрытую северную школу, рассчитывая годами безнаказанно пить богатую эфиром кровь детей под носом у Министерства.

Лидии, Маркусу и Авелин тогда вручили закрытые грамоты благодарности от Ректората (взяв с них строжайшую подписку о неразглашении, чтобы не поднимать панику среди родителей), а сам магистр Вейн в тот вечер впервые внимательно и долго посмотрел на четырнадцатилетнюю Авелин Розье, удивившись тому, с каким хладнокровием эта тихая девочка со Шпиля Камня замкнула поврежденный контур древнего монолита. Авелин тогда скромно опустила глаза за очками и соврала, что просто случайно задела камень локтем при падении.

Глава 5. Обсидиановый приговор

Главный Атриум Грейтавера в первый день учебного года гудел, как растревоженный улей.

Огромный зал со сводчатым потолком, поддерживаемым двумя рядами монолитных колонн из черного базальта, был забит сотнями учеников в темно-серых и глубоких изумрудных мантиях. Высоко под потолком в кованых железных кольцах парили десятки зачарованных сфер, заливавших каменные плиты мягким янтарным светом. Младшекурсники с первого по восьмой поток шумно обнимались после каникул, обсуждая летние поездки и хвастаясь новыми камнями в перстнях-ключниках, но в северной части зала, у высокой мраморной стены Почета, царило совсем другое настроение.

Здесь толпились девятикурсники. Те, кто в июне пережил Великое Сечение.

Восемь лет обучения позади были лишь долгой прелюдией. В конце восьмого курса старое, детское деление на четыре Шпиля — Пламени, Корней, Ветров и Камня — стиралось навсегда. Трехдневный экзамен Великого Сечения выжимал из подростков всё до последней капли: теория Древних Рун, шестичасовая варка сложных эликсиров в полной тишине, пространственное фехтование эфирными клинками и проверка на ментальную устойчивость в камерах иллюзий.

По итогам этого отбора весь поток из ста двадцати человек безжалостно резали по живому, распределяя на четыре иерархических Круга:

Медный Круг — для тех, чей эфирный резерв оказался слабым; их ждала участь мелких клерков, аптекарей и ремесленников.

Серебряный Круг — крепкие середняки, будущие работники министерств, целители и артефакторы средней руки.

Золотой Круг — гордость потока, талантливые чародеи, которым открывалась дорога в гвардию и исследовательские гильдии.

И, наконец, вершина пирамиды — Обсидиановый Круг. Всего двадцать пять мест на всю параллель. Элитный закрытый класс, куда отбирали только гениев с выдающимся потенциалом и будущих магистров Высшего Совета.

— Да пропустят же меня или нет?! — Лидия Вейл, раскрасневшаяся от духоты, упрямо работала локтями, протаскивая за собой Авелин сквозь плотную толпу старшекурсников к мраморной стене, на которой только что проступили выжженные золотым эфиром списки. — Маркус уже нашел себя в Серебряном! Говорит, по Зельеварению у него высший балл, но Эфирная геометрия утянула его вниз. Ох, Авелин, если нас с тобой раскидали по разным потокам, я просто умру со скуки на истории Кодекса!

— Мы обе будем в Серебряном, Лидия, не паникуй, — спокойно ответила Авелин, поправляя съехавшие на переносицу очки в тонкой оправе. — Ну, в крайнем случае тебя возьмут в Золотой за твое эссе по ментальным щитам. Мой потолок — середина Серебряного списка.

Она говорила это уверенно, но где-то под ложечкой неприятно сосало. Воспоминание о последнем дне экзамена на полигоне до сих пор вызывало у нее легкий озноб. Тогда защитный барьер учебного зала дал трещину, и сорвавшийся с цепи иллюзорный химерид — сгусток агрессивного сырого эфира — метнулся прямо в лицо оцепеневшей от страха Лидии. Авелин

не думала ни о материнских запретах, ни о баллах. Тело сработало быстрее разума: короткий разворот корпуса, молниеносный росчерк правой кистью в трех плоскостях — и древняя пятиконечная вязь усмирения разнесла тварь в клочья. Тогда в дыму и суматохе ей показалось, что старики из экзаменационной комиссии ничего не поняли, решив, будто сработала аварийная защита полигона.

— Нашла! — взвизгнула Лидия, ткнув пальцем в среднюю колонку с заголовком «Серебряный Круг». — Лидия Вейл, четырнадцатая строчка! Вместе с Маркусом! Так, а ты где? Розье... Р-о-з... Странно, я не вижу твоей фамилии.

Улыбка медленно сползла с лица Лидии. Она перевела взгляд правее, на колонку «Золотого Круга», быстро пробежала глазами сверху вниз по тридцати фамилиям и растерянно обернулась к подруге:

— Авелин... Тебя нет и в Золотом. Неужели эти старые маразматики скинули тебя в Медный из-за того случая на полигоне?!

— Вряд ли, — раздался сбоку чей-то завистливый, натянутый голос. Стоявший рядом рослый парень из бывшего Шпиля Пламени криво усмехнулся и кивнул на крайнюю левую плиту из черного полированного базальта, окантованную серебром. — Глаза поднимите, девочки. Ваша тихоня утерла нос половине дуэлянтов школы.

Авелин медленно повернула голову к черной плите Обсидианового Круга.

В самом низу списка, на последней, двадцать пятой строчке, холодным серебряным светом горело: 25. Авелин Розье (Шпиль Камня).

В ушах зашумело, будто она разом нырнула под ледяную воду северного фьорда. Вокруг тут же зашептались. Ученики, которые восемь лет практически не замечали статную, выше среднего роста шатенку в очках, вечно сидевшую в углу с конспектами, теперь откровенно пялились на нее, переговариваясь вполголоса.

— Розье? Это кто вообще?

— Да та девчонка с Камня, что вечно в библиотеке торчит... Как она обошла Торнтона и Грейса?

— Говорят, на Сечении она одним росчерком без стилоса погасила прорыв четвертого ранга. Магистр Вейн лично затребовал ее лист!

— Авелин, это же... это же невероятно! — Лидия схватила ее за холодные пальцы, не замечая, что лицо подруги стало белее мела. — Обсидиановый Круг! Туда же берут только будущих советников и великих магистров!

— Мне нужно к декану, — глухо произнесла Авелин, выдергивая руку. — Сейчас же. Это ошибка канцелярии, они перепутали бланки.

Через десять минут она уже стояла на ковре в угловом кабинете старшего декана магистра Вейна, тщетно пытаясь унять дрожь в коленях. Но старик с холодными выцветшими глазами и тяжелым платиновым перстнем на указательном пальце разрушил ее надежды в две минуты: ошибки не было. Ее рефлекторный выброс силы на полигоне зафиксировали измерительные кристаллы зала. Для Ректората она больше не была «посредственностью» — ее сочли скрытным самородком, который восемь лет ленился работать в полную силу.

— Но я не потяну программу Обсидианового Круга, магистр! — в отчаянии произнесла Авелин, забыв о субординации. — У меня нет ни частных репетиторов, ни родовой библиотеки! На Кодексе Крови и Высшей Эфирной геометрии меня просто раздавят!

Магистр Вейн медленно отложил бронзовый стилос на сукно стола и сцепил узловатые пальцы.

— В этом году, мисс Розье, тяжело придется абсолютно всем вашим одноклассникам. Даже тем, кто занял первые строчки рейтинга, — сухо заметил он. — Потому что ваш поток станет первым за последние двадцать лет, где за партами сойдутся школьные адепты и наследники Первых Семей.

Авелин замерла, не понимая:

— Первых Семей? Но они ведь обучаются в закрытых родовых поместьях...

— Обучались, — поправил Вейн. — В августе Канцелярия Чародейства провела реформу Высшего Аттестата. Отныне ни один наследник древнего дома не имеет права занять кресло в Совете Кланов и унаследовать печать главы рода, не отучившись три финальных курса в государственной академии. Частные лицензии домашних учителей аннулированы. Семьи пытались оспорить указ, но закон уже вступил в силу. Взамен Попечительский совет пошел им навстречу: все пятеро переведенных аристократов вашего возраста зачислены напрямую в Обсидиановый Круг сверх квоты — с двадцать шестого по тридцатое место. И специально для вашего класса из столицы выписаны лучшие преподаватели страны.

В груди Авелин неприятно похолодело. Первые Семьи. Высшая знать, чьи имена в Вейрвуд-Холле произносили только сквозь зубы.

— Кто именно прибыл в школу, магистр? — ее голос стал совсем тихим.

— Юлиус Вальмонт. Эстера Сен-Клер. Корнелиус Гримшоу. Офелия Бриар, — Вейн сделал короткую, весомую паузу, глядя прямо в глаза побледневшей девушке. — И единственный наследник Северного герцогства — Кассиан Морвейн. Они уже в аудитории Восточного крыла. Советую вам не опаздывать на вводную лекцию, мисс Розье. Опоздания в Обсидиановом Круге караются отработками в архивах.

Как она дошла от деканата до Восточного крыла, Авелин помнила смутно. Каменные переходы замка, обычно прохладные и просторные, вдруг показались ей узкими стенами капкана, который с лязгом захлопнулся у нее за спиной.

Морвейн. В Грейтавере. В одном классе с ней.

Три столетия вражды, впитанные с молоком матери. Страшные сказки на ночь о том, как предки этого парня вырезали руны на живой плоти Изольды Вейрвуд. И самое главное — Зов Рассеченной Крови, которое невозможно обмануть никаким медальоном, потому что оно бьет не по зрению, а по самой крови и эфиру в жилах. Мать говорила: «Не подходи к людям из рода1 Крэй ближе, чем на пять шагов. Кровь узнает кровь». Но как держаться в пяти шагах от человека, с которым тебе предстоит провести три года в одной аудитории?!

Тяжелые двустворчатые двери лекционного зала Обсидианового Круга были приоткрыты. Авелин остановилась на пороге, глубоко вдохнула, мысленно проверила защитный контур медальона на груди и шагнула внутрь.

Зал поражал своим мрачным величием: высокий амфитеатр из темного мореного дуба уступами поднимался к огромным стрельчатым окнам, за которыми свинцовыми валами катилось осеннее море. Двадцать четыре лучших ученика Грейтавера — те самые ребята, которые еще час назад у стены Почета чувствовали себя королями школы, — сейчас сидели на нижних рядах удивительно тихо и скованно, то и дело бросая опасливые взгляды наверх.

Авелин быстро скользнула на свободное место с самого края второго ряда, опустила сумку на пол и, поправив очки, осторожно подняла глаза на верхний ярус амфитеатра.

Они сидели там впятером, заняв весь длинный стол у окна, словно ложу в королевском театре. Даже школьную форму — темно-серебряные с черным мантии и жилеты с вышитым серебряным гербом Грейтавера — их портные перешили по индивидуальным меркам из дорогого бархата и тончайшего кашемира.

С края, вальяжно откинувшись на спинку скамьи и закинув ногу на ногу, сидел Юлиус Вальмонт. Темноволосый, с красивым, но каким-то хищным, насмешливым лицом, он открыто скучал, подбрасывая в воздух золотую монету и ловя ее прямо в падении крошечным вихрем эфира. На его правой руке вместо одного положенного по уставу кольца красовались сразу три перстня с кровавыми рубинами.

Рядом с ним полулежала на столе Эстера Сен-Клер — хрупкая, почти кукольная блондинка с прозрачно-голубыми глазами, которая лениво накручивала локон на палец и о чем-

то перешептывалась с сидящей в центре Офелией Бриар. Офелия притягивала взгляды всей мужской половины класса: густые черные волосы ниспадали на плечи тяжелым шелком, алые губы были капризно изогнуты, а темные глаза смотрели на одноклассников внизу с брезгливым любопытством хозяйки поместья, заглянувшей на птичий двор. Чуть поодаль от девушек, нахмурив рассеченную старым шрамом бровь, листал тяжелый кодекс угрюмый и широкоплечий Корнелиус Гримшоу.

Но стоило взгляду Авелин сместиться на юношу, сидевшего справа от Офелии, как дыхание в ее горле перехватило.

Кассиан Морвейн не пытался казаться грозным или специально привлекать к себе внимание — он просто заполнял собой пространство. Даже сидя за партой, он заметно возвышался над остальными парнями; в нем было не меньше метра девяносто роста, широкие плечи, безупречная, прямая осанка человека, выросшего в седле и на дуэльных дорожках. Его густые платиновые, почти белые волосы с холодным пепельным отливом были зачесаны назад, лишь пара непослушных прядей падала на лоб. Лицо казалось высеченным из северного мрамора: резкие, высокие скулы, волевой подбородок, прямой нос и холодные, пронзительные серо-голубые глаза цвета зимнего шторма.

На указательном пальце его правой руки, спокойно лежавшей на черном дереве стола, тускло поблескивал массивный перстень-ключник из черного обсидиана — родовой камень дома Крэй.

Офелия Бриар что-то оживленно говорила ему, почти касаясь плечом его бархатного рукава, но Кассиан слушал ее вполуха. Его взгляд медленно, равнодушно скользил по рядам новых одноклассников внизу — оценивая, взвешивая и тут же теряя интерес.

И вдруг этот ледяной взгляд дошел до края второго ряда и на долю секунды встретился с глазами Авелин за стеклами очков.

Между ними было добрых двенадцать метров аудитории — безопасное расстояние, на котором древнее проклятие еще спало. Но то ли от собственного животного ужаса перед именем палачей ее рода, то ли от немой, давящей тяжести этого взгляда Авелин показалось, что серебряный медальон под ее блузкой внезапно стал на градус теплее, а сердце пропустило удар и глухо ухнуло куда-то вниз. Кассиан не просто скользнул по ней глазами — его зрачки на миг едва заметно сузились, словно даже через весь зал его чутье уловило в этой тихой фигуре на краю скамьи нечто чужеродное и опасное. Авелин первой опустила ресницы, уставившись в чистый лист своего пергамента и борясь со странным, пугающим головокружением. Она с ужасом поняла одно: следующие девять месяцев в этих стенах станут для нее прогулкой по острию ножа.

Глава 6. Кодекс Крови и пять шагов до грозы

Первая лекция в Обсидиановом Круге началась со звона серебряного колокольчика на кафедре и тяжелого, вязкого молчания.

Профессор Мортимер Грейвз, преподававший в Грейтавере новую для девятикурсников дисциплину — Кодекс Крови и Высшую Генеалогию Чародейства, — был человеком не из робкого десятка. В молодости он служил в судебной палате Канцелярии, носил строгий мундир с высоким стоячим воротником и на младших курсах наводил на студентов ужас одним лишь постукиванием своего тяжелого янтарного перстня-ключника по кафедре.

Однако сегодня даже старый Грейвз чувствовал себя неуютно. То и дело поправляя круглое пенсне на горбатом носу, он старался смотреть куда угодно — на средние ряды, на стрельчатые своды потолка, на грифельную доску, — только не на самый верхний ярус у окна, где вальяжно расположилась пятерка переведенных аристократов.

— Итак, господа адепты, — кашлянув в кулак, начал профессор Грейвз и взмахнул правой рукой.

Янтарь в его перстне тускло мигнул. В воздухе перед кафедрой развернулась полупрозрачная золотистая проекция сложного генеалогического древа, корни которого уходили в условную линию горизонта, а ветви переплетались десятками гербовых щитов.

— До восьмого курса вас учили единому, унифицированному стандарту волшбы, утвержденному Министерством еще в прошлом столетии, — размеренно заговорил Грейвз, прохаживаясь вдоль первого ряда. — Стандартные углы Эфирной геометрии, общие формулы защитных куполов, классические пропорции в Зельеварении. Это фундамент. Но те из вас, кто удостоился чести войти в Обсидиановый Круг, должны понимать: за пределами школьных учебников существует родовая волшба. Заклинания, формулы и плетения, которые веками передавались внутри великих кланов и привязаны к специфике их эфирного ядра. На моих занятиях мы будем изучать открытые реестры клановой магии. Те приемы, которые Первые Семьи любезно разрешили внести в академическую программу...

На верхнем ряду тихо, но вполне отчетливо рассмеялись.

Профессор Грейвз осекся на полуслове. Все двадцать пять учеников на нижних ярусах синхронно втянули головы в плечи, а Авелин, сидевшая с краю и аккуратно выводившая бронзовым стилосом заголовок на плотном пергаменте, замерла.

Смеялся Юлиус Вальмонт. Откинувшись на спинку дубовой скамьи, он крутил между пальцами тяжелую золотую монету и смотрел на преподавателя с ленивым прищуром.

— Простите мою нескромность, профессор, — голос Вальмонта звучал бархатно и насмешливо, разносясь под каменными сводами без всяких усиливающих чар. — Вы сказали «открытые реестры»? То есть мы целый год будем разбирать выбракованные формулы трехсотлетней давности, которые наши прадеды списали в архив за ненадобностью? Право слово, если бы я знал, что программа Обсидианового Круга рассчитана на уровень церковно-приходской школы, я бы захватил из дома раскраски.

В аудитории повисла звенящая тишина. Староста потока Мартин Вейл, сидевший на первом ряду, покраснел от возмущения до корней волос, но промолчал. Эстера Сен-Клер прикрыла ладошкой губы, пряча улыбку, а Офелия Бриар скучающе разглядывала свой идеальный маникюр.

Лицо профессора Грейвза пошло багровыми пятнами.

— Мистер Вальмонт, — процедил старик, выпрямляясь во весь рост, — смею напомнить, что даже «выбракованные», как вы выразились, формулы требуют безупречного контроля над четырехмерным вектором. Далеко не каждый студент девятого курса способен удержать родовой щит дома Вальмонт хотя бы в базовой проекции!

— О, я с радостью посмотрю, как кто-нибудь из ваших... лучших умов попробует его удержать, — Юлиус щелкнул пальцами, и монета исчезла в его ладони. Его темные глаза скользнули по затылкам одноклассников. — Но еще интереснее, профессор, почему на вашей схеме над северной ветвью зияет такая огромная дыра?

Авелин почувствовала, как у нее похолодели кончики пальцев. Она подняла глаза на светящуюся в воздухе проекцию. Там, где от древнего корня отходили ветви старейших родов севера — Морвейнов, Гримшоу и Дрэгат, — одна массивная ветвь слева была словно обрублена топором. Вместо герба и названия клана на ней висел тусклый серый замок цензуры.

— Это закрытый сектор, мистер Вальмонт, — сухо отрезал Грейвз, и его взгляд невольно метнулся чуть правее Юлиуса — туда, где вполоборота к окну сидел Кассиан Морвейн. — Магия ковена Вейрвуд не входит в программу Министерства. Их формулы являются... неканоническими и запрещены к практическому разбору в стенах Грейтавера.

При звуке имени «Вейрвуд» воздух в аудитории словно потяжелел на несколько пудов.

Авелин заставила себя не шевелиться. Она не должна была горбиться, не должна была опускать голову ниже обычного или судорожно сжимать стилос. Она просто сидела, глядя на доску сквозь стекла очков, хотя сердце колотилось о ребра, как пойманная птица.

— Какая жалость, — протянула со своего места Офелия Бриар, и в ее мелодичном голосе прорезался откровенный яд. Она повернула голову к Кассиану, игриво коснувшись пальцем его темно-серого бархатного рукава. — А я-то надеялась, что нам расскажут, как эти дикарки с вересковых болот умудряются еще не вымереть от собственного кровосмешения и гордыни. Говорят, они до сих пор варят зелья в чугунных котлах над костром и молятся старым камням. Правда, Кассиан? Твой отец ведь держит пограничные заставы у их пустошей.

Все в классе — даже те, кто боялся дышать, — затаили дыхание, ожидая, что ответит наследник рода, чья ненависть к ведьмам Вейрвуд вошла в поговорки.

Кассиан Морвейн не сразу повернул голову от окна. Несколько секунд он молча смотрел на свинцовые тучи над фьордом, и в холодном утреннем свете его профиль с резкой линией скул и прямым носом казался выточенным из белого мрамора. Затем он медленно перевел свои серо-голубые глаза на Офелию. В них не было ни гнева, ни горячности — только ледяная, бездонная скука.

— Мой отец не обсуждает пограничный мусор за обеденным столом, Офелия, — его голос, низкий, спокойный и чуть хрипловатый, заставил девушку мгновенно убрать руку с его локтя. — А тратить академический час на разбор примитивной волшбы вымирающего ковена — пустая трата времени. Продолжайте лекцию, профессор Грейвз. Если вам, конечно, есть что нам рассказать.

«Примитивная волшба вымирающего ковена... Пограничный мусор».

Под воротником закрытой блузки Авелин серебряный медальон внезапно раскалился так, словно в него плеснули кипятком. Это была не реакция на проклятие — расстояние между ними всё еще было безопасным. Это взбунтовалась ее собственная, горячая кровь Первой Ветви. Где-то на кончиках пальцев правой руки, под серебряным ободком ее скромного школьного перстня-ключника, закололо от яростного желания рассечь воздух и показать этому высокомерному белобрысому аристократу, на что способна «примитивная волшба» тех, кто триста лет назад поставил его род на колени.

Авелин с такой силой сжала бронзовый стилос, что металл жалобно скрипнул. «Тишина, Авелин. Твоя жизнь — это тишина», — прозвучал в голове голос матери. Девушка медленно выдохнула через нос, гася внутреннюю вспышку эфира, и аккуратно вывела на пергаменте первую строчку конспекта.

Она еще не знала, что самое страшное испытание этого месяца ждет ее не на лекциях, а в узких каменных коридорах замка.

Прошло две недели. Сентябрь в Грейтавере выдался дождливым и промозглым. Сырой ветер с северного моря завывал в каминных трубах, а каменные плиты в переходах между корпусами вечно блестели от влаги, принесенной на подошвах сотен сапог.

Учиться в Обсидиановом Круге оказалось сущим адом.

Спустя всего пять дней после начала занятий Попечительский совет школы, прогнувшись под тяжестью золотых слитков и политического давления лорда Аластера Морвейна и казначея Вальмонта, полностью перекроил расписание элитного класса. Обычных школьных учителей убрали с ключевых предметов, заменив их выписанными из столицы магистрами Высшей Гильдии. И эти люди не собирались делать скидку на то, что двадцать пять вчерашних восьмикурсников никогда не занимались по закрытым аристократическим методикам.

То, что для Кассиана Морвейна, Юлиуса Вальмонта или угрюмого Корнелиуса Гримшоу было давно пройденным этапом, для остальных превратилось в ежедневную пытку.

На Эфирной геометрии столичный магистр требовал вычерчивать защитные многогранники не одной ведущей рукой, а двумя одновременно — синхронизируя правый и левый потоки эфира в зеркальной проекции. У половины класса от перенапряжения к вечеру шла носом кровь и сводило судорогой пальцы. На Вуалеведении — искусстве иллюзий и ментальных щитов — Эстера Сен-Клер с легкой улыбкой сплетала вокруг себя трехслойные мороки

за десять секунд, в то время как обычные ученики потели по полчаса, пытаясь скрыть хотя бы очертания собственного стула.

Авелин держалась в самом хвосте турнирной таблицы.

Это была тонкая, изматывающая игра: ей приходилось намеренно замедлять движения кисти на практике, делать вид, что она путается в латинских и старокельтских корнях заклинаний, и сдавать теоретические эссе ровно на проходной балл — чтобы оставаться на своем двадцать пятом, последнем месте и не привлекать внимания ни столичных магистров, ни тем более пятерки на верхнем ярусе.

Но скрывать пробелы в знаниях на некоторых предметах ей даже не приходилось — она действительно безнадежно отставала там, где требовалась дорогая домашняя база. У нее никогда не было личных полигонов с редкими алхимическими реактивами или закрытых фолиантов по высшей артефакторике, по которым с семи лет учили того же Гримшоу или Морвейна. Каждую свободную минуту после ужина, пока Лидия и Маркус отдыхали в общей гостиной Серебряного Круга, Авелин проводила в Верхнем Книгохранилище, обложившись словарями и пыльными справочниками.

И всё же главным ее кошмаром оставалась география школьных коридоров.

Пять шагов. Три с половиной метра. Невидимая черта, за которой спавшее заклятие триста лет должно было проснуться.

В просторных аудиториях амфитеатра держать дистанцию было легко: элита неизменно занимала верхний ряд у окон, а Авелин садилась в самом низу у дверей. В Большом зале на обедах Первые Семьи сидели за отдельным возвышением у камина. Но переходы между башнями Грейтавера были построены в одиннадцатом веке для обороны от осад, а не для комфорта трехсот студентов.

Это случилось в третью среду сентября, на узкой винтовой лестнице Башни Алхимии, ведущей к подземным лабораториям Зельеварения.

Занятие закончилось поздно. За узкими бойницами уже сгущались синие сумерки, а на улице хлестал косой осенний ливень. Авелин задержалась в лаборатории, отмывая ступку от вязкого корня златоцвета, поэтому выходила одной из последних. Она быстро спускалась по крутым каменным ступеням, прижимая к груди кожаную папку с пергаментами и думая лишь о том, как бы скорее добраться до теплого камина в спальне.

Внизу, на каменной площадке перед поворотом в главный коридор, внезапно возникла пробка: младшекурсники из Медного Круга уронили ящик с пустыми стеклянными фиалами. Поднялся звон битого стекла, крики старосты, шипение очищающих рун, и весь поток студентов на лестнице резко остановился, попятившись назад.

Авелин не успела среагировать. Плотная толпа старшекурсников впереди качнулась и буквально вдавила ее спиной в холодную каменную нишу старой бойницы.

А в следующую секунду сверху, неторопливо спускаясь по ступеням, показались трое: Юлиус Вальмонт, Корнелиус Гримшоу и шедший чуть впереди них Кассиан Морвейн.

Толпа на лестнице мгновенно расступилась, вжимаясь в стены, чтобы дать дорогу наследникам Первых Семей. Но на узкой площадке у поворота, где путь преграждала россыпь битого стекла, свободного пространства почти не осталось.

Кассиан остановился на три ступеньки выше, ожидая, пока староста младшекурсников уберет осколки с его пути.

Авелин, зажатая за спинами двух высоких парней со своего потока в нише бойницы, с ужасом поняла, что между ее плечом и черной бархатной мантией Морвейна осталось меньше трех шагов.

Это ударило без предупреждения.

Сначала воздух в легких вдруг стал обжигающе холодным, а затем — раскаленным. Серебряный медальон в ложбинке между ключицами дернулся, словно живое сердце, и нака-

лился так, что Авелин едва не вскрикнула, прикусив изнутри губу до солоноватого привкуса крови. Но медальон сдерживал только внешнюю иллюзию. Проклятие било глубже — по самым венам.

От кончиков пальцев до основания шеи по телу Авелин пробежала волна острой, колючей вибрации, будто под кожу пустили слабый разряд молнии. Кровь в висках застучала тяжелыми, гулкими ударами: тук-тук, тук-тук. Каждый волосок на руках встал дыбом. Это было ни на что не похожее, пугающее до темного ужаса чувство — она до смерти боялась стоявшего в трех шагах наследника Крэй, зная, что он убьет ее, едва узнает правду, но одновременно с этим страхом из самой глубины ее эфирного ядра поднималось какое-то слепое, тягучее, запретное притяжение, от которого подгибались колени и перехватывало дух. Ее собственная магия, вопреки голосу разума, тянулась сквозь каменную нишу к его стальной ауре, словно к магниту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.